

Григорьева Ольга Владимировна

КОГНИТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ЯВЛЕНИЮ НОВОГО ЖУРНАЛИЗМА В 1960-Е ГГ. В США

Когнитивно-семантический подход позволяет рассмотреть драматичные перемены в культурных нормах, которые произошли в США в 1960-е гг., как результат изменения когнитивных процессов. С одной стороны, в результате диффузии кластера и идеализированных когнитивных моделей возникли прототипичные эффекты, которые привели к ломке социальных стереотипов, повлекших культурно-исторические изменения относительно расовых и гендерных ролей. С другой стороны, открытость сущностно спорных концептов позволила адаптировать традиционалистские взгляды на нравственность к изменяющимся условиям.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/12-1/15.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 12 (42): в 3-х ч. Ч. I. С. 57-61. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

3. **Дмитриенко Н. А.** Обучение иноязычному общению как фактор формирования жизнеспособности будущих специалистов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 2 (32). Ч. 2. С. 75-78.
4. **Суйская В. С.** Социально-ролевое взаимодействие в контексте обучения межкультурной коммуникации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 8 (26). Ч. 1. С. 154-156.

THE USE OF THE TECHNOLOGY "CRITICAL THINKING DEVELOPMENT" IN TEACHING TO READ

Gerasimenko Tat'yana Leonidovna

Gulaya Tat'yana Mikhailovna

Moscow State University of Economics, Statistics and Informatics (MESI)

tgerasimenko@mesi.ru; tmgulaya@mesi.ru

The article is devoted to the practical application of the technology "Critical Thinking Development" in the process of teaching critical reading as one of the most important skills of working with the foreign language information necessary for the highly qualified specialist who is able to adapt quickly in the modern information environment.

Key words and phrases: critical thinking; critical reading; study of foreign languages; challenge; comprehension; reflection.

УДК 8; 81:1

Филологические науки

Когнитивно-семантический подход позволяет рассмотреть драматичные перемены в культурных нормах, которые произошли в США в 1960-е гг., как результат изменения когнитивных процессов. С одной стороны, в результате диффузии кластера и идеализированных когнитивных моделей возникли прототипичные эффекты, которые привели к ломке социальных стереотипов, повлекших культурно-исторические изменения относительно расовых и гендерных ролей. С другой стороны, открытость сущностно спорных концептов позволила адаптировать традиционалистские взгляды на нравственность к изменяющимся условиям.

Ключевые слова и фразы: новый журнализм; контркультура; когнитивная семантика; категоризация; прототип; идеализированная когнитивная модель; сущностно спорный концепт.

Григорьева Ольга Владимировна, к. филол. н.

Уральский государственный педагогический университет

olgagrigoryeva@mail.ru

КОГНИТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ЯВЛЕНИЮ НОВОГО ЖУРНАЛИЗМА В 1960-Е ГГ. В США[©]

Роль, которую сыграл самиздат в «турбулентные» 1960-е гг. в США, сложно переоценить. Периодические издания, выходившие по всей стране на студенческих кампусах и в импровизированных редакциях, были написаны эффектным и доходчивым языком и изобиловали графикой, что делало их привлекательными и доступными для массовой аудитории. Можно смело утверждать, что наряду с популярной музыкой самиздат имел большое значение для солидаризации контркультурного «движения», послужив не только медиумом для трансляции информации, но и либеральной площадкой для формирования авторитетных точек зрения.

Немаловажное место самиздата в «движении» потребовало пересмотра традиционных журналистских подходов. Феномен «нового журнализма», выразившийся в стилистическом переосмыслении жанра в 1960-70-е гг. в США, вынес традиционный сухой и фактографичный нарратив языка СМИ в литературную плоскость посредством включения в него автора с его субъективным миром эмоций и оценочных суждений. Журналисты, которые писали для «подпольных» периодических изданий, покинули кресла в портере и вышли на сцену играть роль первой скрипки, солируя в контркультурной революции и способствуя пересмотру культурных норм, созданию новых гражданских ценностей, солидаризации субкультур, составляющих «движение», и дегуманизации «врага» – истеблишмента.

Новый жанр, представляющий собой гибрид традиционной журналистики и художественного стиля, обновлялся на новом языке. Размышляя об особенностях данного направления журналистики, Дж. Мерфи выделяет три его основные характеристики: использование драматических литературных приемов, интенсивное повествование, наличие субъективной позиции автора [6, p. 16]. Новое поколение журналистов смоделировало бодрыйярскую гиперреальность, наполненную стимулами, которые выражались в мозаике красноречивых метафор, приемов метонимии, блендинга. Поиск и утверждение новой культуры и гражданских ценностей также способствовали внесению определенных изменений в процессы категоризации. Все вышперечисленное делает изучение языка «новой журналистики» в свете теории когнитивной семантики крайне актуальным.

В настоящей статье в ракурсе когнитивно-семантического подхода будут рассмотрены изменения, происходящие в когнитивной категоризации, которые спровоцировали последующие культурно-исторические трансформации.

I. Взаимодействие прототипичного кластера и идеализированных когнитивных моделей

Новая журналистика способствовала формированию и ретрансляции совершенно нового понимания гражданских свобод и ценностей в американской культуре. Вслед за движениями за права чернокожих появились «коричневое», «красное» движения; с красноречивыми заявлениями о своем маргинальном положении в социальной иерархии выступили феминистки и сексуальные меньшинства. В результате американские стереотипы претерпели довольно серьезные трансформации в отношении гражданских свобод и прав личности. В свете теории когнитивной семантики подобный слом общественных стереотипов можно объяснить диффузией элементов репрезентативного кластера и идеализированных когнитивных моделей.

Вся когнитивная деятельность человека тесно связана с категоризацией действительности, которая представляет собой ментальный конструкт, содержащий систематизированные знания, полученные в процессе телесного и культурного опыта: «Человеческая категоризация есть в своей сущности продукт человеческого опыта и воображения – восприятия, двигательной активности и культуры, с одной стороны, и метафоры, метонимии и ментальной образности в целом, с другой» [1, с. 23]. Э. Рош заслуженно признается центральной фигурой, которая сыграла роль в разработке теории прототипов и категорий базового уровня, послужившей основой для дальнейшего изучения явления *категоризации* в когнитивной лингвистике. Она доказала, что человеческая категоризация нелинейна и включает центральных, более ярких представителей категорий – репрезентативных представителей или прототипов, – а также периферийных, менее ярких представителей. Было отмечено, что категории базового уровня содержат прототипичные представления о предмете. В свою очередь, прочие лексические единицы могут в лучшей или худшей степени удовлетворять прототипу [7, р. 27-48].

С категоризацией тесно связано другое понятие более высокого уровня – *идеализированная когнитивная модель* (ИКМ), иерархическая структура категорий, в которой каждая из подструктур категорий соответствует элементу когнитивной модели [1, с. 101]. ИКМ схематична и эксклюзивна, т.е. включает в себя определенные, наиболее репрезентативные категории, оставляя периферийные категории за своими пределами. Так, Ч. Филлмор рассмотрел языковой пример 'bachelor' (холостяк), который обычно определяется как незамужний взрослый мужчина. Такой мужчина является более репрезентативным представителем (прототипом). Очевидно, что ИКМ носит упрощенный характер и не учитывает все социальное многообразие: например, католических священников, гомосексуалистов, мусульман [3, р. 31-59].

Дж. Лакофф предположил, что ИКМ объединяются в кластеры, которые являются базовыми в отношении других моделей, входящих в их состав. Так, например, «мать» – является кластером, который объединяет несколько моделей: биологическую, генетическую, социальную и пр. Мать – женщина, подарившая жизнь ребенку, вложившая в него генетический материал, воспитавшая ребенка, жена отца и т.д. Исследователь также обратил внимание на языковую тенденцию рассматривать одну модель как наиболее важную в тех случаях, когда кластер объединяет несколько моделей различного характера. Например, модель матери, воспитавшей ребенка, будет прототипом по отношению к суррогатной матери [1, с. 107-109].

В дискурсе феминистского движения в 1960-е гг. происходит постепенное разрушение стереотипов в отношении роли и места женщины в социальной жизни. Рассмотрим, как такие культурные изменения связаны с процессами категоризации. В качестве отправной точки для нас представляет интерес кластер 'man' (человек). Мы искусственно исключим весь спектр возможных моделей, входящих в его состав, и остановимся на социальных моделях, которые лежат в его центре и на периферии, формируя прототипы и субкатегории. Прежде всего, обратим внимание на гендерные особенности прототипа. Словарная семантика английского 'man' (человек) полисемична и может означать человека, а также мужчину. Очевидно, что дериваты слова – 'mankind' (человечество), 'manpower' (рабочая сила), 'manhunt' (полицейская облава) и прочие – объективируют элементы ИКМ, имеющие стойкую связь с гендерными признаками (власть, физическая сила, мужественность). Следовательно, можно говорить о том, что в кластере 'man' (человек) мужчина лучше соответствует категории, чем женщина, поэтому будет считаться ее репрезентативным представителем. В данной статье рассматривается наиболее характерный пример, когда элементы одной социальной субмодели (расовой) переносятся на другую (гендерную), как произошло, когда феминистки заимствовали дискурс движений за гражданские права чернокожих. Поэтому для внесения большей ясности стоит также отметить, что прототипичный расовый кластер 'man' (человек) в американской культуре содержит мужчину с белым цветом кожи.

Дж. Лакофф утверждает, что прототипичные эффекты, которые возникают в результате диффузии моделей на метонимических основаниях, приводят к возникновению социальных стереотипов. Так, мать-домохозяйка общественно признана более успешной в отношении воспитания, чем работающая мать, поэтому подкатегория матери-домохозяйки метонимически замещает модель «мать» в кластере ИКМ, являясь ее лучшим представителем [Там же, с. 114].

В кластере 'man' (человек) элементы репрезентативных моделей 'white man' (белый мужчина), 'protestant' (протестант), 'father' (отец), 'husband' (муж), 'patriarch' (патриарх) также метонимически замещают сам кластер, а возникшие при этом прототипичные эффекты формируют стереотип образцового представителя модели. Поэтому культурной нормой признается, что мужчине принадлежит безраздельное право первенства в социальных играх, творении истории, осуществлении прогресса, для него априори забронировано место в социальном лифте.

Пример 1. Read «woman» for «black man». Read «real woman» for «good nigger». Read «male chauvinist» for «Southerner». For the Southerner's ideology, read Freud. The black man grows up in the world where human history was made by whites. He goes to school and learns the names and faces of great generals, law-makers, conquerors,

and kings, philosophers, poets, scientists and visionaries, revolutionaries, reformers, and saints. They are all white men, Women do not exist in history, except as shadow figures «standing behind every good man». Their reality is a function of their relationship to men as mistress or Mrs. Those black men who succeed in the white man's world do it because they have white blood, or at the expense of their true nature. Those women who succeed in the white man's world are no true women: they are lesbians, go the rumours, or frigid – desexed and unlovely creatures more to be pitted than emulated. Unless they «keep their femininity» by playing Doris Day's child idiot. The trap of the black American is identical economically, socially, and psychologically to ours, my sisters [4, p. 8].

Перевод: Читайте «женщина» вместо слова «чернокожий». Читайте «настоящая женщина» вместо «хороший Нигер». Читайте «шовинист» вместо «южанин». Вместо идеологии южанина читайте Фрейд. Чернокожий растет в мире, где история вершится руками белых людей. Он ходит в школу и узнает имена и лица генералов, законодателей, завоевателей, королей, философов, поэтов, ученых, провидцев, революционеров, реформаторов и святых. Все они белые. Женщине нет места в истории, за исключением тени, которую отбрасывает мужчина. Ее реальность ограничивается функционированием в качестве хозяйки или Миссис. Чернокожие мужчины, которые преуспевают в мире Белого человека, добиваются успеха благодаря своей «белой крови» или посредством предательства своей истинной природы. Женщины, которые преуспевают в мире мужчин, не являются истинными женщинами: они лесбиянки, сплетницы или фригидные – асексуальные и некрасивые существа, которых нужно, скорее, жалеть, нежели брать в качестве примера для подражания, если они не сохраняют свою женственность, играя ребенка-идиота Дорис Дей. Капкан для чернокожего экономически, социально и психологически идентичен нашему, мои сестры (*Здесь и далее перевод автора статьи – О. Г.*)

Таким образом, существует два вида моделей 'man':

1. кластер сходящихся вместе конвергентных когнитивных моделей;
2. модель стереотипа, представляющая собой метонимическую модель, в которой субкатегория белого мужчины, протестанта, двигателя прогресса и опоры семьи замещает всю категорию в целом и определяет культурные ожидания.

На основании метонимических связей прототипичные эффекты переносятся на весь кластер 'man' (человек), делая его лучшим представителем, а возможный набор субмоделей 'blackman' (чернокожий), 'woman' (женщина) и пр. по отношению к 'man' (человек) становятся периферийными, нерепрезентативными моделями.

Наличие стереотипа в культуре, таким образом, опосредованно служит тому, что элементы, которые ассоциируются с репрезентативным кластером, не всегда безболезненно транслируются на субмодели. До возникновения движений за гражданские права в 1950-60-е гг. социальные стереотипы, характерные для американской культуры, носили более ригидный характер. Считалось нормой, когда женщина и афроамериканец служили средством для обеспечения мужчины возможностью находиться на гребне творения человеческой истории, в то время, когда им была отведена скромная участь хорошего наемника/раба или жены.

В приведенном отрывке можно увидеть целый набор гендерных и расовых стереотипов, ассоциируемых с кластером 'man' (человек), которые не подвержены диффузии с подчиненными ИКМ ('chauvinist' (шовинист), 'southerner' (южанин), 'conquerer' (завоеватель), 'Freudist' (фрейдист), 'law-maker' (законодатель), 'revolutionary' (революционер) и пр.). Кластер сопоставляется с элементами субмодели 'black man' (чернокожий). Для того чтобы преуспеть в мире белых мужчин, афроамериканцу приходится поступиться своим культурным наследием, «притвориться белым». Столпы борьбы за гражданские права чернокожих, которые возникли гораздо раньше, чем феминистское движение, в процессе диффузии при помощи метафорических проекций накладываются на элементы субмодели 'woman' (женщина): 'woman' (женщина) = 'black man' (чернокожий), 'real woman' (настоящая женщина) = 'good negro' (хороший нигер). Они, в свою очередь, приводят к возникновению прототипичных эффектов на границах категорий. Как и в случае с афроамериканцем, когда женщина преуспевает в мире белого мужчины, ее клеймят как «недостаточно женственную», «лесбиянку», «сплетницу» и «фригидную», так как в основе кластера по-прежнему лежит прототип субмодели 'man' (человек) с белым мужчиной как ее лучшим представителем, который не распространяется на элементы подчиненной ИКМ.

Метафорические проекции элементов модели 'black man' (чернокожий) на модель 'woman' (женщина) становятся возможными благодаря горизонтальному параллелизму психологических и социально-экономических условий, которые привели к неравенству субмоделей в отношении основного кластера в социальной иерархии. Диффузия категорий как равноподчиненных, взятых в отношении лучшего представителя, возможна благодаря их неясным границам (fuzzy boundaries), а также наличию социально-экономических условий, которые обеспечивают дубликаты для последующей метафорической проекции.

Новый журнализм способствовал разрушению общественных стереотипов: афроамериканцу и женщине предоставляется возможность примерить большее количество социальных ролей, чем в традиционном патриархальном и консервативном обществе, а также избежать общественного порицания за реализацию своих честолюбивых устремлений. В результате в дискурсе «движения» 1960-х гг. вертикальный трансфер элементов кластера 'man' (white man) – мужчина (белый мужчина) – на иерархически подчиненные модели *black man*, *woman* (чернокожий, женщина) становится более конвенциональным; благодаря диффузии и возникновению прототипичных эффектов происходит постепенное разрушение культурного стереотипа.

Тем не менее, унаследовав признаки вышестоящих категорий, 'black man' (чернокожий) и 'woman' (женщина) не становятся репрезентативными представителями и не заменяют место в кластере, который сохраняет ИКМ 'white man' (белый мужчина) в качестве прототипа. Изменения касаются стереотипа, когда

культурной нормой становится признание большего количества наборов элементов, которые переносятся с репрезентативного кластера на субмодели и наоборот. Таким образом, горизонтальная и вертикальная диффузия между элементами кластера и элементами периферийных ИКМ, которая привела к возникновению прототипичных эффектов у категорий с нечеткими границами, сделала социальные стереотипы более лабильными, а трансфер категорий – конвенциональным.

II. Категоризация и сущностно спорные концепты

Термин *сущностно спорный концепт* (essentially contested concept) ввел в научный оборот американский ученый У. Б. Галли в 1956 г. В своей статье исследователь обратил внимание на концепты, которые отличаются от прочих, так как априорно содержат противоречие. Согласно исследователю, любой концепт можно оспорить. При этом большинство существующих концептов содержат презумпцию согласия (assumption of agreement) между пользователем и тем, кто его оспаривает. Например, оспорить утверждение, что картина выполнена маслом, можно при помощи аргумента, что холст был написан темперной краской. Однако существует ряд концептов, оспаривание которых требует постоянной когнитивной работы, ибо они не содержат априорной презумпции согласия. Так, например, утверждение «эта картина является произведением искусства» может вызвать вековые споры, в которых участники диспута, вероятно, никогда не придут к единодушному согласию [5, p. 167-168].

Автор также выделяет пять условий, при которых концепт можно считать сущностно спорным: 1) концепт аппразивен в том смысле, что прогнозирует или предписывает какую-либо ценностную оценку; 2) оценка носит внутренне комплексный характер, но касается его как целого; 3) любое объяснение значимости концепта требует дополнений в различных частях концепта; 4) сущностно спорный концепт является открытым, ценностное заключение подвергается модификациям в зависимости от изменяющихся условий; 5) каждый, кто употребляет концепт, осознает, что его применение индивидуально и что другие используют концепт иначе [Ibidem, p. 171-172].

В 1960-е гг. произошла сексуальная революция, выразившаяся в серьезной трансформации общественных представлений относительно роли человеческой чувственности в социальных взаимодействиях, сексуальные отношения стали восприниматься приемлемыми за пределами нуклеарной гетеросексуальной семьи. Эта революция была подготовлена рядом внешних обстоятельств. Предпосылки существовали уже в 1920-е гг., когда Викторинская Америка повернулась к фрейдизму в результате реакции на поствоенный шок. Однако настоящий переворот случился в начале 1960-х гг., когда широкое распространение получили контрацептивные пилюли, которые предоставили женщине гораздо больший спектр социальных альтернатив. Соответственно, новый поворот в восприятии традиционной нравственности заставил иначе рассмотреть чувственную сексуальность:

Пример 2. I think women have been so perverted by society's «accepted role for women» that they have had to deny almost all their most human, warm and giving feelings. There's nothing that a man and woman can do together which is in any sense wrong as long as the ability on the part of each person to have openness to the needs of the other person. You can be honest – impossible – impossible to be honest with oneself in a thousand different ways but maybe this statement will permit somebody to recognize themselves sexually in a more truthful and sexual way. I am saying something very specific. Listen to yourself carefully – your body, your mind. Learn to masturbate yourself. If the chance to develop a relationship with a man comes your way, be sensitive to yourself, to him and develop your potentials together. The next thing I have to say must be the most important in its way. And maybe it should have been the first thing. Don't get pregnant, simply because you don't need to be pregnant unless you want to be. There are clinics in the Cities that do not hesitate to give prescriptions to women who are not married. There is nothing devious about it. If I felt I could, I would give you the name of my doctor where many Carleton women have gone [2, p. 6].

Перевод: Я думаю, что образ женщины был извращен представлениями об ее «приемлемой роли в нашем обществе» настолько сильно, что ей пришлось поступиться своими человеческими и теплыми чувствами. Нет ничего предосудительного в том, чем женщина и мужчина могут заниматься наедине, кроме обоюдной готовности удовлетворить потребности друг друга. Вы скажете, невозможно быть честным самим с собой – да, легко заблуждаться невероятным количеством способов. Однако надеюсь, данное заявление позволит кому-то быть искренним с собой относительно собственной сексуальности. Я говорю о конкретных вещах. Прислушайтесь к себе внимательно – к своему телу, к своему разуму. Научитесь мастурбации. Если вам удастся найти мужчину для создания отношений, почувствуйте себя, его и развивайте ваши потенции совместно. Далее, я упомяну самое важное. Возможно, стоило обратить на это внимание с самого начала. Не стремитесь забеременеть, поскольку в этом нет необходимости, если вы того не желаете. В городе есть больницы, которые выдают рецепты незамужним женщинам. В этом нет ничего не порядочного. Если бы я могла, я поделилась бы с вами именем врача, которого посещали многие женщины Карлтона.

Трансформация культурных ценностей в данном случае обеспечивалась изменениями, вносимыми в сущностно спорный концепт 'morality' (нравственность). Докажем, что он удовлетворяет критериям У. Галли. Во-первых, концепт 'morality' (нравственность), несомненно, аппразитивен, его прототипичным представителем является пуританское восприятие нравственности, которое характеризовало американское общество до сексуальной революции: человеческое тело должно быть закрыто, плоть непристойна, половой акт должен осуществляться только в гетеросексуальном браке, не ради чувственного наслаждения, а с целью зачатия. Во-вторых, оценка носит комплексный характер, так как нравственность можно оценить с различных позиций: религиозных, социальных, этических, философских и пр. В-третьих, невозможно подойти к доказательству или опровержению тезиса «нравственность – это чистота» с одной стороны: необходимо

сослаться на части концепта, начиная от гигиены и здоровья, заканчивая метафорической нечистоплотностью, связанной с христианским толкованием моральной непорочности. В-четвертых, очевидно, что концепт 'morality' (нравственность) подвергся существенным модификациям с течением исторического хода времени, человеческая чувственность в определенные эпохи вызывала поочередно восхищение или отвращение. Переворот, который случился в 1960-е гг., навсегда изменил пуританское представление о нравственности, что находит отражение в массовой культуре, социальных взаимоотношениях и общественных нормах. Наконец, несмотря на глубочайшие изменения в отношении нравственности, концепт продолжает восприниматься по-разному в субкультурных группах. Например, у мормонов Солт-Лейк-Сити добродетель и нравственность погружены в контекст традиционализма. Для полового акта мормоны надевают специальный костюм, который закрывает большую часть поверхности тела. В то же самое время допускается, что вне закрытой мормонской общины, например, у католиков или протестантов, не существует регламентированных правил в отношении «сексуальной униформы». Немормоны осознают, что мормонские традиции обязывают представителей общины выполнять соответствующий ритуал, и понимают, с чем связана подобная традиция, равно как и мормонская община в курсе, что толкование нравственности в ее преломлении к сексу существенно отличается за ее пределами.

Таким образом, трансформация американской культуры, которую рельефно можно наблюдать в дискурсе самиздата 1960-х гг., касалась внесения изменений в процессы категоризации. С одной стороны, происходит слом социальных стереотипов посредством изменения открытых сущностно спорных концептов, для которых нехарактерна априорная презумпция согласия. С другой стороны, лабильная диффузия между кластерами и ИКМ, которая активизировалась общественными сентиментами и озабоченностью социальным неравенством, привела к крушению определенных стереотипов и выработке новых общественных ожиданий в отношении гендерных и расовых ролей.

Изучение явления «нового журнализма» в свете теории когнитивной семантики перспективно. Помимо процессов категоризации, огромный исследовательский потенциал представляют явления метафоры, метонимии и ментальной образности, которые крайне интересно рассмотреть с точки зрения возможностей этих когнитивных явлений как в изменении культуры в целом, так и в солидаризации дискурса «своих», дегуманизации и менисификации врагов в частности.

Список литературы

1. **Лакофф Дж.** Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении / пер. с англ. И. Б. Шатуновского. М.: Языки славянской культуры, 2004. 792 с.
2. **Discovery of Truth in Sex** // The Carletonian. 1968. Vol. 10. № 10.
3. **Fillmore Ch.** 1982: Towards a Descriptive Framework for Spatial Deixis // Speech, Place, and Action / R. J. Jarvella and W. Klein, eds. London: John Wiley, 1982. P. 31-59.
4. **Free Woman** // Washington Free Press. 1969. Vol. 2. № 4.
5. **Gallie W. B.** 1956: Essentially Contested Concepts // Proceedings of the Aristotelian Society, March, 12. 1956. Vol. 56. P. 167-198.
6. **Murphy J. E.** The New Journalism: A Critical Perspective. Lexington: Association for Education in Journalism, 1974. 38 p.
7. **Rosch E.** Principles of Categorization // Cognition and Categorization / eds. E. Rosch and B. B. Lloyd. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum, 1978. P. 27-48.

COGNITIVE-SEMANTIC APPROACH TO PHENOMENON OF NEW JOURNALISM IN THE UNITED STATES IN THE 1960S

Grigor'eva Ol'ga Vladimirovna, Ph. D. in Philology
Ural State Pedagogical University
olgagrigoryeva@mail.ru

A cognitive-semantic approach allows considering the dramatic changes in cultural norms that occurred in the United States in the 1960s as a result of changes in cognitive processes. On the one hand, as a result of diffusion of the cluster and idealized cognitive models prototypical effects appeared, which led to a breakdown of social stereotypes that resulted in the cultural and historical changes regarding racial and gender roles. On the other hand, the openness of essentially controversial concepts allows adapting the traditionalist views on morality to changing conditions.

Key words and phrases: new journalism; counterculture; cognitive semantics; categorization; prototype; idealized cognitive model; essentially controversial concept.